

„Мъщане“ М. Горькаго.

Ал. Ожигова.

Въ нашей жизни—очень много интереснаго, глубокаго, захватывающаго... Но мы-то этой жизни, къ сожалѣнью, не знаемъ. М. Горькій приподнял завѣсу надъ темными до сихъ поръ міромъ, оригинально сложившимся въ послѣдніе сорокъ лѣтъ, міромъ отверженныхъ и стоящихъ внизу самодовлѣющей культуры.

Основнымъ мотивомъ современной литературы является и должно явиться художественное воспроизведеніе жизни молодой Россіи; литература должна произвести учетъ нашему культурному росту, подвести итоги и установить балансъ тѣмъ живымъ цѣфрамъ, которыя незамѣтно выросли, какъ нѣчто совершенно новое, съ печатью яркой индивидуальности—съ шестидесятихъ годовъ. Литературѣ неминуемо приходится спуститься внизъ, пойти въ глубины Россіи, гдѣ совершается глубокій процессъ обновленія русской жизни, сокрушенія старыхъ устоевъ и проростанія новыхъ началъ. Эти новыя начала подкрались къ намъ точно незамѣтно. Мы вращались исключительно въ культурныхъ верхахъ. Мужикъ, которымъ,—какъ говорили когда-то салонные кавалеры россійской словесности,—„пропахла вся литература“, въ послѣдніе двадцать лѣтъ точно исчезъ съ горизонта. И это—вполнѣ понятно. Та однородная, хотя и сложная масса, которую представляло собою крестьянство, и которая въ нашемъ изученіи оказывалась сплошнымъ темнымъ пятномъ, вступила въ фазу процесса новообразованій, стала терять характеръ и форму однотонности. Сплошное темное пятно разбѣвается: какъ новый химическій агентъ, въ него вошла личность че-

ловѣка, до тѣхъ поръ отрицавшаяся всѣмъ строемъ жизни, носившей во всей совокупности строго крѣпостнической характеръ. И подъ естественнымъ вліяніемъ реакціи, темное пятно забродило. Литература должна была молча взирать на эту новую жизненную конъюнктуру, лишь изрѣдка отмѣчая этотъ мучительный, тяжелый процессъ („Въ оврагѣ“ Чехова): слишкомъ сильно еще броженіе и слишкомъ неясна реакція, отразившая приходъ въ жизнь новыхъ элементовъ.

Но за этимъ міромъ и за культурными верхами, переживавшими цѣлую нестройную гамму самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, настроеній, теченій и вліяній и только, кажется, теперь направившихся на ясную и вѣрную дорогу, оставалась еще грандиозная область, настоящій новый міръ, постепенное „открываніе“ котораго происходитъ только въ настоящее время. Проростаніе новыхъ началъ охватило глубины Россіи. Между культурными верхами и крестьянствомъ лежитъ цѣлая неизслѣдованная область, окрещенная у насъ терминомъ „разночинцевъ“. Съ одной стороны, разночинцы являются поставщиками культурныхъ верховъ: послѣдніе вербуютъ свои элементы именно изъ этихъ слоевъ. Но съ другой стороны, разночинцы уже складываются въ свои особыя области, отмѣченныя печатью индивидуальности; классовое новообразованіе клиномъ входитъ въ нашу жизнь и выбиваетъ ее изъ проторенныхъ дорогъ и извѣзженныхъ путей... Старыя колеи разрушаются: идетъ новый человѣкъ—гражданинъ молодой Россіи и новымъ дыханіемъ жизни вѣетъ отъ него. Сложится-ли онъ въ опредѣленный классъ, сформируетъ ли онъ вообще новыя области жизни—безразлично: онъ—результатъ проростанія новыхъ началъ, сильныхъ индивидуализмомъ личности и твердостью исторически новообразовавшейся почвы.

Художественное влеченіе М. Горькаго направлено именно въ сторону этого новаго міра, который онъ съ особою любовью изучаетъ и воспроизводитъ. Весь этотъ міръ дышетъ свободою, независимостью личности, и эта яркая тенденція создаетъ произведеніямъ Горькаго обаятельную силу, которая влечетъ насъ тѣмъ сильнѣе, что находитъ естественный отзвукъ въ нашемъ сердцѣ, страстно жаждущемъ выхода... Вотъ этотъ то новый міръ и является интереснымъ, глубокимъ и захватывающимъ!

Маленькій провинціальный городъ. Темно въ немъ, скучно и неуютно. Жутко жить здѣсь людямъ, еще не умершимъ окончательно для жизни. Казалось бы, впрочемъ, какая можетъ быть тутъ жизнь? Болотная тина, все засасывающая, приводящая всѣхъ къ одному знаменателю, стирающая личность и создающая сѣрую студенистую массу, валкую, дряблую и жалкую. А между тѣмъ, тутъ то и прорастаютъ новыя начала жизни...

Въ такомъ городѣ живетъ семья Безсѣменовыхъ. Они—мѣщане; вокругъ нихъ группируются люди „ихъ общества“, т. е. тоже мѣщане. Глава семьи Безсѣменовыхъ—закиточный мѣщанинъ, старшина малярнаго цеха, человѣкъ почтенный и неглупый, съумѣвшій и деньгу сколотить, и дѣтей не оставить на произволъ судьбы. Дѣтямъ своимъ онъ далъ образованіе. Дочь Татьяна—школьная учительница. Сынъ—студентъ, исключенный, впрочемъ, изъ университета за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ. Кромѣ того, въ семьѣ есть пріемышъ, воспитаникъ Безсѣменова—Ниль, работающій на желѣзной дорогѣ. Дому Безсѣменовыхъ близокъ дальній родственникъ и торговецъ птицами Перчихинъ, дочь котораго, Поля, швейничаетъ у Безсѣменовыхъ. Наконецъ, въ томъ же домѣ живутъ двое нахлѣбниковъ—пѣвчій Тетеревъ и студентъ Шишкинъ и квартирантка Елена Крив-

цова, вдова зрителя тюрьмы. Упомянувъ о подругѣ Татьяны,—учительницѣ Цвѣтаевой,—мы исчерпаемъ весь кругъ мѣщанъ, которыхъ воспроизводитъ М. Горькій. Какъ видите, кругъ этотъ очень интересенъ. Старая мѣщанская семья, съ ея устоями уже расплодась; въ нее вошли новыя люди; начался процессъ броженія; заговорилъ въ ней человѣкъ, еще недавно подавленный всѣмъ строемъ жизни, личность проросла мѣщанскую кору и энергично борется съ нею. Въ этомъ, конечно, и лежитъ источникъ драматическихъ коллизій.

Эту мысль ярко выражаетъ одинъ изъ героев пьесы—„потомственный алкоголикъ и кавалеръ ордена зеленого змія“, пѣвчій Тетеревъ, философъ, котораго Ниль очень удачно называетъ топоромъ: онъ, этотъ бурсакъ, дѣйствительно, топоренъ въ своемъ оригинальномъ мировоззрѣніи немного нищенскаго пошиба. Тетеревъ находитъ жизнь мѣщанъ очень интересной: „Люди настраиваются жить. Я люблю слушать, когда въ театрѣ музыканты настраиваютъ скрипки и трубы. Ухо ловитъ множество отдѣльныхъ вѣрныхъ нотъ, порою слышишь красивую фразу, и ужасно хочется скорѣе услышать, что именно будутъ играть музыканты... Кто изъ нихъ солистъ? Какова пьеса... Вотъ и здѣсь... тоже настраиваются"... И Тетереву, какъ умному наблюдателю, кажется, что музыканты способны „играть фортиссимо“. Да, въ будущемъ, а пока въ этомъ мѣщанскомъ оркестрѣ только очень немногіе голоса настроены на такой высокой ладъ...

Въ семьѣ Безсѣменовыхъ основная коллизія заключается прежде всего въ неизбежной коллизіи отцовъ и дѣтей. Эта старая коллизія изъ культурныхъ верховъ перешла уже въ низы и она также будоражитъ, взбаламучиваетъ тихое до сихъ поръ мѣщанское царство, какъ когда то потрясала культурныя семьи, въ которыхъ

рѣзкимъ диссонансомъ разошлись идеи отцовъ и дѣтей. Конечно, это—мотивъ не новый. Недавно молодой талаптливымъ драматургомъ, г. Пайденовъ въ своей драмѣ „Семья Ванюшина“, очень ярко и сильно изобразилъ эту коллизію въ аналогичной семьѣ—среднекупеческой—и въ сущности, конечно, ничѣмъ не отличающейся отъ мѣщанской. Г. Пайденова на рѣдкость сочувственно встрѣтила вся критика, и многие неумѣренные диоирамбисты доходили даже до сравненія молодого автора по силѣ таланта съ Островскимъ. Какъ въ то ни было, по г. Пайденовъ съумѣлъ „схватить быка за рога“, т. е. прямо подойти къ животрепещущему вопросу изъ разряда тѣхъ, которые разрабатываются и Горькимъ. Въ этомъ лежитъ большое сходство „Дѣтей Ванюшина“ и „Мѣщанъ“: и тамъ, и тутъ совершенно одинаково разыгрывается коллизія между отцами и дѣтьми...

Молодые и старые Беземеновы, конечно, рѣзко разошлись. Старикъ Василій Васильевичъ—типичный мѣщанинъ. Тетеревъ рисуетъ его такими чертами: „Ты въ мѣру уменъ и въ мѣру глупъ; въ мѣру—добръ и въ мѣру—золь; въ мѣру честенъ и подлъ, трусливъ и храбръ... ты—образцовый мѣщанинъ! Ты законченно воплотилъ въ себѣ пошлость... ту силу, которая побуждаетъ героев и живетъ, живетъ и торжествуетъ... Давай выьемъ передъ нами, почтенный кротъ“! Почтенный кротъ переживаетъ тяжелую драму. Дѣти отошли отъ него; онъ ихъ не понимаетъ: „когда глядишь на васъ,—говорить онъ дочери, то не понимаешь, какъ, собственно, вы жить думаете? Къ чему у васъ намѣренія? Нашъ порядокъ вамъ не нравится; это мы видимъ, чувствуемъ... а какой свой порядокъ вы придумали?“ Къ умственному развитію дѣтей старикъ относится скептически: „они на все могутъ навести критику съ точки науки и высихъ свойствъ

ума“... Да и наука не впрокъ пошла дѣтямъ. „Ты вотъ научился презрѣнію ко всему окружающему,—говоритъ Беземеновъ своему смуглому изгнанному студенту,—а размѣра въ дѣйствіяхъ не приобретаешь. Изъ университета тебя выгнали, ты думаешь неправильно? Ошибаешься. Студентъ есть ученикъ, а не распорядитель жизни. Ежели всякій паренъ въ двадцать лѣтъ устатникомъ порядковъ захочетъ быть... тогда и должно придти въ замѣнательство... и дѣловому человѣку на землѣ мѣста не будетъ... Старикъ не понимаетъ, что въ семьѣ образовалась „двѣ правды“: одна—старая, другая—молодая. Онъ вѣрнѣе въ одну старую правду и видитъ, что дѣти бѣгутъ отъ нея, какъ чертъ отъ ладона. И эта смута, происходящая и у него въ домѣ, и всюду, гдѣ только могутъ блюсти жизнь старикъ, заставляетъ его глубоко призадуматься и искренно сдѣлать правдивое замѣчаніе: „время такое... страшное время!.. Все ломается, трещитъ... волнуется жизнь“. Этихъ новообразованій жизни старикъ совершенно не понимаетъ. Но онъ достаточно уменъ, чтобы видѣть, что дѣти его, ушедшія отъ мѣщанства, въ то же время не пристаюти къ какому берегу. Его возмущаетъ неясность, неопредѣленность сына, его бездѣятельное нѣтье, апатія. „Всего мнѣ тяжелѣе,—говоритъ старикъ,—что не вижу я въ нихъ никакого характера... ничего эдакого... кривьего... Въдъ въ каждомъ человѣкѣ должно быть что-нибудь свое... а они какіе-то... ровно безъ лицъ“. И своего воспитанника, Нила, несмотря на острую вражду съ нимъ, онъ всетаки понимаетъ: „Вотъ, Нилъ... онъ—дерзокъ... онъ—разбойникъ. Но человѣкъ съ лицомъ... Ослеплый, но его можно понять“. (С.-П. Вид.).

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Мъщане“ М. Торькаго.

Ал. Ожигова.

(Продолженіе).

Старый деспотъ, не встрѣчавшій когда-то въ семьѣ противодѣйствія и низведшій свою жену до положенія рабыни, возмущается безхарактерностью дѣтей. И они дѣйствительно достойны возмущенія! Студентъ Петръ—вѣчный нытикъ, его заѣдаетъ рефлексія. Безъ характера, безъ сильной воли, онъ легко отдается сомнѣніямъ и боится жизни. Онъ—трусъ по своему существу и готовъ быть рабомъ немедленно послѣ минуты случайнаго хорошаго подъема. Но реакція сразу охватываетъ его дряблую душу, и онъ опять становится на колѣни передъ препятствіями... Пройдетъ время, и пожалуй, Петръ будетъ молиться этимъ препятствіямъ, но уже какъ Богу... Въ студенческие годы на него налетѣли новыя идеи, задѣли его, волновали. Но гамлетизирующій мѣщанинъ взялъ верхъ надъ искусственнымъ увлеченіемъ. „Общество! Вотъ, что я ненавижу,—говоритъ Петръ.— Оно все повышаетъ требованіе къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій. Человѣкъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего!—кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей! Я былъ гражданиномъ, чортъ ихъ возьми! Я... не хочу... не обязанъ подчиняться требованіямъ общества. Я — личность... Личность свободна“. И эгоизмъ, по словамъ Тетерева,—„мѣщанинъ, бывшій гражданиномъ полчаса“, конечно, видитъ свободу личности въ свободѣ бездѣйствія, апатіи, колѣнопреклоненія предъ мѣщанствомъ жизни. Онъ далеко пойдетъ, и Тетеревъ не безъ основанія подсказываетъ ему, что онъ скоро будетъ служить..., „родителямъ на утѣшеніе церкви, и отечеству на пользу, въ

роли покорнаго слуги общества“. А пока онъ поетъ: „чортъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ. Я пришелъ въ университетъ учиться и учился... Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучать римское право, я не чувствовалъ, нѣтъ! Я чувствовалъ режимъ товарищества и уступилъ ему!“ И это его угнетаетъ и онъ не знаетъ, что дѣлать съ собой. Онъ не признаетъ никакихъ иллюзій и увлеченій. Все въ немъ уже умерло. Безвольное дитя безвольной культуры Петръ по немногу даже начинаетъ озлобляться и подсмѣивается надъ увлеченіями народнымъ театромъ и всякой общественной дѣятельностью. Рабъ жизни, онъ становится чужимъ для нея. Но въ то же время, какая-то грусть разъѣдаетъ ему сердце. Быть можетъ, въ мозгу автоматически сложилась уже увѣренность въ неизбѣжности паденія, въ неотвратимости мѣщанскаго конца этого захудалаго героизма, создающаго рыцаря на одну минуту. Но все же отъ грустнаго раздумья Петра вѣетъ чѣмъ то болѣе широкимъ и общимъ, а не только дряблостью и преждевременной захирѣлостью. Быть можетъ, онъ и радъ бы потянуться къ солнцу и жить подъ его лучами всегда, но высокіе заборы и тѣснины закрываютъ ему солнце.

„Вы знаете, почему въ Россіи много пьяницъ?—спрашиваетъ Тетеревъ.—Потому, что быть пьяницей удобно. Пьяницъ у насъ любятъ. Новатора, смѣлаго человѣка ненавидятъ, а пьяницъ любятъ. Ихъ всегда удобнѣе любить, какъ какую-нибудь мелочь, дрянъ, чѣмъ что либо крупное, хорошее“. Съ грустнымъ раздумьемъ отвѣчаетъ на это Петръ: „У насъ въ Россіи... у насъ въ Россіи... Какъ это странно звучитъ. Развѣ Россіи наша? Моя? Ваша? Что такое мы? Кто мы? Я думаю, когда французъ или англичанинъ говоритъ „Франція“, „Англія“, онъ непременно представляетъ себѣ за

этимъ словомъ нѣчто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю „Россія“ и чувствую, что для меня это—звукъ пустой. И у меня нѣтъ возможности вложить въ это слово какое-либо ясное содержаніе... Этими словами М. Горькій ясно отвѣчаетъ общественную сторону въ комбинаціи тѣхъ условій, которыя плодятся у насъ въ изобильномъ количествѣ характеры, подобные Петру.

Чѣмъ же кончается Петръ? Онъ влюбляется въ интересную, жизнерадостную здоровую самку, Елену Кривцову, но по дряблости характера несмѣло и неловко суетится передъ нею. Елена храбро беретъ на абордажъ скромнаго юношу, заставляетъ его признаться въ любви къ себѣ и уводить его за собой, въ качествѣ жениха.

Въ будущемъ—попытки устроить тихое семейное счастье; сверхъ того Елена постоянно внушаетъ Петру мысль сдѣлаться прокуроромъ...

Совершенно тождественна по характеру и сестра Петра, народная учительница Татьяна.

Она—тоже раба жизни и не владѣетъ даже минимальной способностью критически отнестись къ ней. Она совершенно пришиблена, раздавлена жизнью, хотя страстно хочетъ жить, не представляя, впрочемъ, ясно, въ чемъ же состоитъ эта жизнь и сосредоточивая все вопросы исключительно на вопросахъ сердца, на потребностяхъ любви. „Жизнь совѣтъ не трагична,—говоритъ она.—Она течетъ тихо, однообразно, какъ большая мутная рѣка. А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно... голова тупѣетъ и даже не хочется подумать, зачѣмъ рѣка течетъ“. Въ жизни она не видитъ ни яркихъ красокъ, ни живыхъ цвѣтовъ, ни драмъ, ни трагедій. „Все это—неправда. Жизнь ломаетъ людей безъ шума, безъ криковъ... безъ слезъ... незамѣтно“. Такой же нытикъ, какъ и братъ, Татьяна, по

словамъ Нила, изъ всего дѣлаетъ философію: „дождь идетъ—философія, палецъ болитъ,—другая философія, угаромъ пахнетъ—третья“...

И Татьяна кончаетъ очень печально. Она любитъ Нила, но Ниль, конечно, отворачивается отъ этого тщедушнаго, захирѣвшаго цвѣтка. Бѣдная учительница пытается отравиться, но, принявъ нашатырнаго спирта, умоляетъ, спасти ее. Ее спасаютъ. Впереди у нея—сплошная тьма...

Петръ и Татьяна, очень ярко и живо обрисованные Горькимъ, являются выраженіемъ одного начала жизни, недѣятельнаго темнаго. Власти такой тьмы авторъ противопоставляетъ новаго человѣка, представителя новаго жизненнаго начала рабочаго Нила, служащаго машинистомъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, надо отмѣтить, что автору не пришлось обрисовать этотъ типъ такъ, какъ ему хотѣлось. Во многомъ авторъ не договариваетъ. Обо многомъ ему пришлось умолчать. Эти оговорки необходимы для того, чтобы избѣжать несправедливаго осужденія за неясность, неопредѣленность типа.

Что же представляеть собою этотъ типъ? Ниль, точно яркій лучъ солнца, рѣзко и смѣло прорѣзываетъ мѣщанскую тьму.

Онъ выноситъ съ собою оживленіе радость бытія, великую правду жизни, дерзкимъ ключомъ бьющую, вопреки преградамъ, вопреки оковамъ льда, помѣхамъ мелей и скаль. Ниль „восторгается процессомъ жизни“, проповѣдуетъ „бодрость и любовь къ жизни“. „Я жить люблю,—говоритъ про себя Ниль,—люблю шумъ, работу, веселыхъ простыхъ людей“.

Мѣщанская жизнь глубоко его не удовлетворяетъ. Онъ называетъ ее „драматической сценой изъ безконечной комедіи подъ названіемъ „Ни туда, ни сюда“... Здѣсь все какіе-то уроды. Никто ни чувствуетъ, что жизнь испорчена ими, низведена къ пустякамъ... что изъ нея

они дѣлають темницу, каторгу, несчастье... Ненавижу людей, которые портят жизнь"... И онъ отталкиваетъ отъ себя „всю эту канитель“, рѣшившись оттолкнуть ее „рѣшительно и навсегда“. Жизнь есть борьба суровая, упрямая. Передъ препятствіями вставать на колѣни—значить терять всякое достоинство, всякій разумъ: „когда человѣку лежать на одномъ боку неудобно, онъ переворачивается на другой, а когда служить неудобно, онъ только жалуется. А ты сдѣлай усилие—перевернись!—Понятно, что для такой жизни нужна смѣлость, а Ниль обладаетъ ею. Онъ ругается со своимъ начальствомъ, смѣло защищая свои права. Права, права!.. „Права не даютъ—восклицаетъ Ниль, —права берутъ!.. Человѣкъ долженъ самъ себя завоевать право, если не хочетъ быть раздавленнымъ грубой обязанностью“. И Ниль говоритъ, что онъ считаетъ себя вправѣ „хватать человѣка за глотку“, если тотъ наступаетъ ему на ногу, унижаетъ его человѣческое достоинство. Но для этого надо работать, безъ конца работать, и надо любить свой трудъ. „Я ужасно люблю ковать, —говоритъ Ниль, —предъ тобой красная безформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотомъ—наслажденіе. Она плюетъ въ тебя щипящими, огненными плевками, хочетъ выжечь тебѣ глаза, ослѣпить, отшвырнуть отъ себя. Она живая, упругая. И ты сильными ударами плеча дѣлаешь изъ нея все, что тебѣ нужно“. Такъ символизируетъ жизнь Ниль, а объ ея текущей доподлинности онъ выражается такими энергичными словами: жить—славное занятіе... Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго, —въ томъ, что мною командуютъ свиньи, дураки, воры... Но жизнь—не за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣтъ такого расписанія движенія, которое бы не мѣнялось!..“ Ниль гордо и увѣренно смотритъ на жизнь. Онъ не знаетъ страха предъ нею: онъ стоитъ предъ нею во весь

ростъ. „Я ближе и лучше тебя знаю,—говоритъ онъ Петру,—что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнужданная, грубая сила жметъ и давитъ человѣка, а знаю это—и это мнѣ не нравится, возмущаетъ меня. Я этого порядка не хочу! Я знаю, что жизнь—дѣло серьезное, но неустроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои“. Ниль не преувеличиваетъ, впрочемъ, своихъ силъ: „я знаю и то, что я —не богатырь, а просто честный здоровый человѣкъ, и всетаки говорю: ничего!.. Наша возьметъ!“ Съ этою увѣренностью Ниль ставитъ себя крупную, но вполне ему по силамъ задачу: „на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому—помѣшать, этому — помочь... Вотъ въ чемъ радость жизни!“

Тетеревъ близко подходитъ къ Нилу, по своему образу мыслей. „Въ Россіи,—говоритъ онъ,—удобнѣе, спокойнѣе быть пьяницей, бродягой, чѣмъ трезвымъ, честнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ. Только люди безжалостно прямые и твердые, какъ мечи,—только они пробьютъ!“

Таковъ Ниль. Старикъ Беземеновъ чувствуетъ въ немъ силу, человѣка съ лицомъ, и понимаетъ что взрывъ неминуемъ, что ихъ отношенія должны порваться самымъ серьезнымъ образомъ. „И чѣмъ дольше, тѣмъ больше онъ мнѣ чужой... Я вижу, будетъ онъ прохвостомъ... актеромъ будетъ или еще чѣмъ-нибудь въ этакоемъ духѣ... Можетъ, даже социалистомъ будетъ. Ну, туда ему дорога!“

Старикъ и не подозреваетъ, что разрывъ уже близокъ, что онъ—за плечами и что это радикально измѣнитъ всю жизнь, весь мѣщанскій строй. Готовится цѣлый переворотъ въ домѣ Беземеновыхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Мъщане“ М. Торькаго

Ал. Ожигова.

(Окончаніе).

Почва для семейной драмы совершенно подготовлена. Разнообразныя и прямо враждебныя силы должны неминуемо столкнуться въ своемъ рѣзкомъ противорѣчій и въ результатѣ дать не равнодѣйствующую силу, а острый болѣзненный разрывъ.

Старикъ Беземеновъ и его жена мучаются и страдаютъ отъ семейныхъ неурядицъ. Ихъ глубоко возмущаетъ, что дѣти сторонятся отъ нихъ, шепчутся по угламъ, живутъ своими интересами, по своему думаютъ и устраиваются. Но пока эти неурядицы носили характеръ мелкой повседневной борьбы, грубоватыхъ вспышекъ, ссоръ и тяжелыхъ сценъ, до тѣхъ поръ Беземеновъ со своимъ мѣщанскимъ мировоззрѣніемъ кое-какъ претерпѣвалъ жизнь и, кряхтя и охая, мирился съ нею. Но когда коллизія затронула самыя основы мѣщанскихъ правъ, когда она посягнула на самый авторитетъ власти, Беземеновъ почувствовалъ, что „время такое, страшное время“, когда „все ломается трещить“,—раздавливаетъ и его безъ всякой жалости, упрямо, тупо. Остроту въ отношеніи внесъ прежде всего Нилъ. Его рѣшеніе „отбросить всю мѣщанскую кайтель“ совпало съ рѣшеніемъ устроить самостоятельную, семейную жизнь и жениться на Полѣ, прекрасной, здоровой, жизнерадостной дѣвушкѣ, смѣло глядящей впередъ и не боящейся будущаго.

Нилъ за обѣдомъ проситъ Полю дать ему отвѣтъ на вопросъ, между ними, въ сущности, давно рѣшенный: согласна ли она быть его женой? На стариковъ этотъ вопросъ производитъ впечатлѣніе взрыва бомбы. Втайнѣ они лелѣяли мечту, что Татьяна, влюбленная въ Нила, выйдетъ именно за него замужъ: Нилъ хоть и разбойникъ, но „человѣкъ съ лицомъ“, сила. И эта мечта жестоко разбивается... Съ другой стороны, Нилъ, воспитанникъ Беземеновыхъ, обязанный имъ рѣшительно всеѣмъ, дерзко оскорбляетъ авторитетъ родителей, рѣшая лично вопросъ о своей женитьбѣ и не испрашивая родительскаго благословенія. Мѣщанство поражено въ самую свою святую суть,—прямо въ сердце. Наступаетъ крахъ, раздѣты тавія основы.

Первый ударъ является только началомъ разрушенія. Дальнѣйшіе слѣдуютъ уже быстро. Беземеновъ теряетъ голову. Онъ выгоняетъ своего родственника Перчихина, когда тотъ безтактно упоминаетъ о чувствахъ Татьяны къ Нилу, чтобы сорвать свое сердце на этомъ милымъ птичникѣ, поэтѣ въ душѣ, курьезномъ и симпатичномъ человѣчкѣ съ бездною самаго широкаго добродушія и неизмѣнной склонностью къ водочкѣ. Но не успѣла еще уняться гроза въ душѣ Беземенова, какъ новое несчастье готово свалить его съ ногъ...

Татьяна отравляется. Тысячи разнообразныхъ ощущеній хлынули въ душу старика. Онъ по своему, но горячо любитъ дочь. Мысль о самоубійствѣ является, съ его точки зрѣнія, величайшимъ грѣхомъ, преступленіемъ. Съ другой стороны, его давитъ мысль о скандалѣ, о томъ конфузѣ, который онъ, достопочтенный „общественный“ дѣятель въ своемъ родномъ болотѣ, долженъ испытать послѣ того, какъ могучая сплетня, властительница думъ провинціи, взбудоражитъ все мирное населеніе городка и сблѣзаетъ Беземеновыхъ предметомъ безконечныхъ и позорныхъ толковъ. Обида стариковъ увеличивается еще отъ того, что ихъ при всѣхъ дальнѣйшихъ событіяхъ совершенно оттѣсняють отъ дочери. Все суетятся около отравившейся—всеѣмъ находится мѣсто, кромѣ нихъ, стариковъ. Ихъ усердно выпроваживаютъ отъ дочери, не пускаютъ къ ней,—и они остаются одни, среди страховъ за жизнь Тани, среди ужасовъ постигшей ихъ драмы. А она разворачивается все шире и шире, и камня на камень не оставляетъ въ мѣщанскомъ домѣ Нилъ рѣзко спорится съ Беземеновымъ, заступаясь за своего оскорбленнаго старикомъ будущаго тестя,—и окончательно уходитъ изъ дому.

А затѣмъ сламывается и послѣдняя соломенка: Елена Кривцова уводитъ Петра, какъ своего жениха, несмотря на вопли и протесты Беземеновыхъ, не смотря на проклятія и бѣшеную ругань, срывающуюся съ устъ обезумѣвшаго старика... Онъ выгоняетъ и философа Тетерева... И только блѣдная Таня тѣнью отчаянія и скорби бродитъ по комнатамъ.

Она осталась одна, всеѣмъ одна и въ этомъ домѣ, и въ этой жизни... А старикамъ осталось только одно—терпѣнье. „Будемъ ждать,—говоритъ Беземеновъ. Всю жизнь терпѣль... еще будемъ терпѣть“. Да и что другое осталось этимъ людямъ, совершенно обанкротив-

шимся и оставшимся только среди обломков здания, так тщательно, „съ грѣхом“ строящагося ими всю жизнь?.. Тупое терпѣнье, покорность судьбѣ да молитва, благо вѣра не покинула еще ихъ сердецъ...

Печальнымъ аккордомъ звучитъ эта развязка: Тетеревъ, какъ могильщикъ, съ злорадствомъ хоронитъ устои мѣщанства въ домѣ Безсѣменовыхъ. „Не кричи, старикъ, — говоритъ онъ послѣ того, какъ крахъ уже совершился. Всего, что на тебя идетъ, ты же не разгонишь“. И въ утѣшеніе пѣвчій-философъ рисуетъ ему злую картину. „Не беспокойся... Твой сынъ вернется!.. Онъ не уйдетъ далеко отъ тебя. Онъ это временно наверхъ поднялся, его туда втащили. Но онъ сойдетъ... Умрешь ты, онъ немного перестроилъ этотъ хлѣвъ, переставитъ мебель и будетъ жить, какъ ты, спокойно, разумно, уютно... Онъ переставитъ мебель и будетъ жить въ сознаніи, что долгъ свой передъ жизнью и людьми отлично выполнилъ... Онъ вѣдь такой-же, какъ и ты... трусливъ и глупъ... а можетъ, будетъ въ свое время и такъ же, какъ и ты, самоувѣренъ и жестокъ. И даже несчастенъ будетъ онъ вотъ такъ же, какъ ты теперь... Жизнь идетъ, старикъ, — кто не поспѣваетъ за ней, тотъ остается одинокимъ... И такъ же вотъ несчастнаго и жалкаго сына твоего не попадать и скажутъ ему правду въ лицо, какъ я тебѣ говорю: чего ты ради жилъ? Что сдѣлалъ дорогого? И сынъ твой, какъ ты теперь, не отвѣтитъ!“

Почемъ знать, быть можетъ, предсказанія Тетерева и окажутся пророческими. Мѣщанство передается по наслѣдственности, да и само по себѣ оно слишкомъ сильно, слишкомъ вязко и цѣпко, чтобы сразу исчезнуть въ первомъ поколѣніи. Повидимому, авторъ высказываетъ устами Тетерева свои мысли: надежды онъ возлагаетъ на Нилу, гражданина уже идущихъ поколѣній.

На немъ сосредоточены все надежды и упованія и въ немъ лежитъ гибель мѣщанства. „Наша возьметъ“, — трубитъ побѣдный кличъ Ниль...

Жажда жизни, которой Ниль наслаждается, широкой волной разливается по лицу земли и горячими клочками бьетъ оттуда. Когда она претворится въ живое, конкретное дѣло — Богъ вѣсть. Но ледъ сломанъ. Живые ростки даютъ себя знать. И жизнь завязывается въ новый узелъ... „Время такое... страшное время... Все

ломается, трещитъ... Волнуется жизнь“... А выносятся волны только смѣлаго душой.

Какъ мы уже упомянули, авторъ съ особою любовью вычерчиваетъ портретъ Тетерева. Наряду съ Ниломъ Тетеревъ представляется самымъ интереснымъ типомъ Горькаго. Но Ниль — элементъ дѣятельный, боевой, идущій на проломъ. Тетеревъ думаетъ и мыслитъ, какъ Ниль, но онъ — пассивный элементъ жизни. Онъ наблюдаетъ ее, созерцаетъ, анализируетъ и... цѣлетъ...

На этомъ типѣ интересно остановиться по подробнѣе. Уже изъ того, что попутно отмѣчалось нами при изложеніи содержанія пьесы Горькаго, видно, какую крупную силу представляетъ собой этотъ „топоръ“, — какъ его называютъ Ниль. Но и этотъ топоръ пережилъ глупую, потрясающую драму. Онъ любитъ Полю, любитъ по своему, сильно и глубоко. Но неудачникъ въ жизни, совершенно неприспособленный къ ней и воюющій съ ней такъ, какъ воюютъ вообще босяки у Горькаго, — пассивнымъ протестомъ, — Тетеревъ и на этотъ разъ терпитъ неудачу. Философъ считаетъ себя „человѣкомъ постороннимъ, непрічастнымъ къ дѣламъ земли“. Онъ живетъ „изъ любопытства“ и находитъ, что „здѣсь интересно“. Ему интересно смотрѣть, какъ настраивается жизнь. Но жизнь-то вокругъ него настраивается не особенно „фортиссимо“... Изъ устъ Тетерева именно и вырывается самая злая, самая беспощадная критика мѣщанства „Покричать люди, устанутъ и замолчать... отдохнуть — и опять кричать будутъ. Здѣсь же, въ этомъ домѣ, все замираетъ особенно быстро... и крикъ боли, и смѣхъ радости... Всякія потрясенія для него какъ ударъ палкой по лужѣ грязи. И послѣднимъ звукомъ всегда является крикъ пошлости, феи здѣшнихъ мѣстъ. Торжествующая или озлобленная, здѣсь она всегда говоритъ послѣдней“... „Не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь, — философствуетъ Тетеревъ. Мѣщане съузили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной... и вотъ я емъ вещественное доказательство того, что человѣку негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить“... Пьянствуя, философъ часто любитъ возвращаться къ мысли о пьянствѣ. Онъ возводитъ въ теорію алкоголизмъ, какъ противоядіе жизни. Жестокая критика этой жизни, не щадя и себя, издѣваясь надъ собою, — вотъ содержаніе жизни пѣвчаго, привыкшаго быть въ вѣчныхъ алкогольныхъ парахъ... И когда ему говорить, что его

водка губить, Тетеревъ искренно возмущается. Это—клевета; „меня губить не водка, а сила моя... Избытокъ силы — вотъ моя гибель“. И Тетеревъ не такъ уже далеко отъ правды, когда развиваютъ эту мысль подробнѣе: „теперь сила не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змѣиная гибкость“. Въ этихъ словахъ ярко сквозитъ неприспособленность къ жизни. Тетеревъ не умѣетъ ни подчиниться формамъ жизни, ни подчинить ихъ себѣ. Жизнь его выдвигаетъ, выжимаетъ, да и онъ самъ охотно идетъ на встрѣчу теченію, выбрасывающему его за бортъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать Тетеревамъ? Не летать теперь тетеревамъ по деревьямъ! Пусть бьется трепетно его мысль и манитъ, и зоветъ его на просторъ. Но простора нѣтъ. Мелкій, низшій разночинецъ съ сильной мыслью не находитъ никакой поддержки въ формахъ и условіяхъ жизни: она ему враждебна. Нѣтъ путей, чтобы ему пробиться, если не считать карьерой должностя учителя церковно-приходской школы, пономаря или волостного писаря. Но Тетеревъ слишкомъ уменъ и дѣйствительно силенъ, чтобы сдѣлаться такимъ рабомъ жизни. Ему полетѣть бы повыше, гдѣ чище воздухъ и спокойнѣе бьется сердце. Но летѣть нельзя: условія жизни крѣпко привязываютъ къ ногамъ каторжный шаръ... И Тетеревъ страдаетъ отъ избытка силы.

„Гляди, говоритъ онъ Безѣменову,—если я этой шуткой (кулакомъ) ударю по столу, разобью его вдребезги. Съ такими руками нечего дѣлать въ жизни... Миѣ некуда дѣвать силы“. Некуда дѣвать потому, что мѣщанство развѣло не только домъ Безѣменовыхъ, но и всю жизнь, и потому Тетеревъ не желаетъ даже „захотѣть, потому что противно“. „Миѣ благороднѣе пьянствовать и погибать, чѣмъ жить и работать на тебя (Безѣменова) и подобныхъ тебѣ... Лучше водку пить, чѣмъ кровь людей...“ И твердо основавшійся на этой точкѣ зрѣнія, онъ развиваетъ своеобразную этическую точку зрѣнія на взаимныя отношенія людей. „Достопочтенные двуногіе!—говоритъ Тетеревъ, обращаясь къ молодежи,—когда вы говорите, что зло слѣдуетъ оплачивать добромъ, вы ошибаетесь. Зло есть качество прирожденное вамъ и потому—малоцѣнное. Добро вы сами придумали, вы страшно дорого платили за него и потому—оно есть драгоценность, рѣдкая вещь, прекраснѣе которой нѣтъ на землѣ ничего. Отсюда выводъ: уравнивать добро со зломъ не вы-

годно для васъ и бесполезно. Я говорю вамъ: добромъ платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять въ человѣкѣ чувство ростовщика, такъ какъ человѣкъ—жаденъ. Получивъ однажды больше того, сколько слѣдовало ему, въ другой разъ захочетъ получить еще больше. А также не платите ему меньше, чѣмъ должны, такъ какъ, если вы его разъ обсчитаете, человѣкъ злопамятенъ, онъ скажетъ про васъ: „банкроты“, перестанетъ уважать и въ другой разъ не добро уже сдѣлаетъ вамъ, а только подастъ милостыню. Братіе! Будьте строго точны въ уплатѣ за добро, содѣянное вамъ! Такъ какъ нѣтъ на землѣ ничего печальнѣе и противнѣе человѣка, подающаго милостыню ближнему своему! Но за зло всегда платите сторицею зла. Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближняго за зло его вамъ. Если онъ, когда вы просили хлѣба, далъ камень вамъ, опрокиньте гору на голову его“.

Очень трогательное впечатлѣніе производитъ личная драма Тетерева. Онъ любитъ Полю и когда узнаетъ, что она выходитъ замужъ за Нила, съ какой-то ожесточенностью вновь послѣ перерыва принимается безумно пить. Какой-то особенной и нѣжной кротостью и подавленностью, и безысходной тоской, омраченной аккордами полнаго отчаянія, вѣетъ отъ его словъ Нилу, счастливому Нилу, завладѣвшему счастьемъ пѣвчаго. „Оставь меня!—говоритъ онъ Нилу,—ты думаешь, я могу упастъ. Я уже упалъ. Давно! Впрочемъ, думалъ было подняться, но прошелъ мимо ты и, не замѣтивъ, не нарочно, вновь толкнулъ меня! Ничего, иди себѣ! Иди, я не жалею... Ты здоровъ и достоинъ идти, куда хочешь, такъ, какъ хочешь. Я—падшій, сопровождаю тебя взглядомъ одобренія. иди!“ И когда Ниль уходитъ, у Тетерева вырывается крикъ сдвѣннаго горя: „желамъ счастья, грабитель! Ты незамѣтно для себя отнялъ мою послѣднюю надежду и... чортъ съ тобой!..“

Тетеревъ уходитъ изъ дому Безѣменовыхъ. Онъ пойдетъ бродить: бродячая у него душа и не сидится ему на одномъ мѣстѣ. Да и лучше умереть на ходу, чѣмъ замерзнуть на одномъ мѣстѣ, въ болотѣ жизни... (С.-Пет. Вѣд.).